

ТРАССА БЕЗ ВОЗВРАТА

НИК БУРОВ

Ник Буров

Трасса без возврата

<https://litres.ru/74276999>

SelfPub; 2026

Аннотация

Крайний Север не прощает ошибок, а стужа в минус пятьдесят пять градусов убивает за их малейшую вероятность. Когда на автономном руднике «Северный» летит основная энергосистема, на спасение сотен людей остается ровно трое суток. Вертолеты не летают из-за плотного циклона. Единственный шанс — пробиться через тайгу на двух тяжелых грузовиках, таща на трале негабаритную тридцатитонную дизельную электростанцию.

Впереди у них двести километров белого ада, непроходимые сугробы и сорванные ледовые переправы. А когда техника начнет умирать, рвать карданы и выплевывать поршни от гидроударов, на их пути встанет банда отмороженных нелегальных старателей, которым для выживания очень нужна чужая солянка и теплые кабины.

Это лязг рвущегося металла, обмороженные до синевы пальцы и вечный спор между мертвой книжной инструкцией и суровым дедовским методом, где ставкой является жизнь. Трасса не отпускает тех, кто на нее вышел.

Ник Буров

Трасса без возврата

Глава 1. Удар вслепую

Дворники скребли по лобовому стеклу с таким омерзительным звуком, будто кто-то водил рашпилем по обнаженным костям. Белая пелена за окном слилась в единый сплошной поток колючей ледяной крошки. Буран швырял в лоб КамАЗа килограммы снега, пытаясь выдавить тяжелую машину с накатанной колеи в рыхлую погибель.

Алексей Громов вцепился в ледяной руль так, что побелели костяшки пальцев. Он не видел дорогу. Он ее чувствовал. Спиной, задницей, вибрацией тугой педали газа. Сзади на трале мертвым грузом висела многотонная дизельная станция. Каждое движение рулем давалось с боем — гидроусилитель на таком морозе превратился в густую резину.

Справа на пассажирском сиденье нервно ерзал Малой. Его новенькая, с иголки, темно-синяя парка скрипела при каждом движении, дико раздражая Громова. Стажер то и дело протирал запотевшие очки и пялился в экран навигатора, который уже час как потерял спутники.

— Алексей Николаевич, — голос Малого дрогнул на очередной кочке, — по регламенту Минтранса при видимости менее тридцати метров движение автопоезда с негабаритным грузом категорически запрещено. Нам нужно остано-

виться и переждать циклон. Мы насилуем двигатель. Температура за бортом уже минус сорок восемь.

Громов даже не повернул головы. Его обветренное лицо под спущенными ушами старой шапки оставалось каменным.

— Малой, засунь свой регламент в бардачок, — хрипло бросил он, не отрывая взгляда от белой круговерти. — Если мы здесь встанем, то к утру превратимся в два куска мороженого мяса. Движок на холостых в такой ветер выстынет к чертям, а соляру прихватит в трубках. И буровая сдохнет без этой станции. Так что сиди ровно и молись, чтобы мосты не порвало.

— Но физика процесса... — начал было стажер, поправляя очки тонким пальцем в чистой перчатке. — При таких нагрузках вязкость масла в трансмиссии...

Он не договорил.

Из-под кабины раздался такой звук, словно в стальную мясорубку бросили горсть арматуры. Жуткий, зубодробительный скрежет разорвал гул дизеля. КамАЗ дернулся всем своим многотонным телом, словно напоролся на невидимую бетонную стену.

Двигатель поперхнулся, жестко лязгнул и заглох.

— Твою мать! — рыкнул Громов.

Инерция огромного трала сзади неумолимо толкала мертвый тягач вперед. Прицеп начало заламывать влево. Самый страшный сон дальнобойщика — «ножницы». Сейчас тяже-

ленная платформа обгонит кабину, сорвет сцепку и вышвырнет их в кювет вверх тормашками.

Громов всем весом навалился на каменный руль, выворачивая его в сторону заноса, и ударил по тормозам прицепа, пытаясь натянуть сцепку, как струну. Пневматика сухо зашипела. Металл застонал, кабина накренилась, лобовое стекло жалобно хрустнуло по краям.

КамАЗ чудом выровнялся и замер поперек колеи, утонув передним мостом в глубоком снегу. Сзади, метрах в десяти, едва успел от тормозиться Урал Воронова — его желтые фары тускло пробивались сквозь метель.

В кабине повисла звенящая, мертвая тишина. Только снаружи дико выл ветер, забивая снег в щели дверей. Температура внутри начала падать с каждой секундой.

Малой сидел белый как мел, вцепившись в ручку двери.
— Я же говорил... Перегруз... — прошептал он трясущимися губами.

Громов молча протянул руку к замку зажигания и повернул ключ.

Стартер выдал лишь один сухой, мертвый щелчок. Щелк. И всё.

Глава 2. Цена регламента

Воронов вывалился из кабины «Урала», проваливаясь в снег по колено. Его лицо перекосила фирменная кривая ухмылка. Он пробрался сквозь метель к замершему КамАЗу и

ударил кулаком по ледяной двери.

— Ну что, приехали, конечная? Освобождайте вагоны! — прокричал он сквозь вой ветра.

Громов выбил дверь плечом. Мороз ударил наотмашь, сбив дыхание. Ледяной ветер тут же забрался под полушубок, сковывая мышцы. Следом из кабины выскочил Малой. Его зубы выбивали барабанную дробь.

Мужики втроем навалились на рычаги и откинули кабину КамАЗа вперед. Металл был настолько холодным, что обжигал даже через толстые перчатки, оставляя на коже ощущение ожога. Под кабиной их ждала классическая северная подлянка.

Лопнула магистраль высокого давления от ТНВД к форсунке. Солярку выдавило наружу, и на лютom морозе она моментально кристаллизовалась, превратившись в густой белый парафин. Система наглоталась воздуха и встала намертво.

Малой топтался рядом, кутаясь в свою синюю парку. Очки покрылись коркой инея.

— Э-это критическая неисправность! — прокричал стажер, перекрывая гул бурана. — Согласно регламенту, при разгерметизации топливной аппаратуры эксплуатация запрещена! Нам нужно вернуться в кабину «Урала», включить автономку и вызвать помощь по спутнику! Циклон пройдет через сутки!

Воронов хохотнул, доставая из кармана ватника толстый

моток стальной проволоки.

— Сутки? Ты, студент, через сутки здесь в ледышку превратишься. Автономка «Урала» два дня не вытянет, у меня в баках не безлимит. А груз стынет.

Громов не тратил время на болтовню. Он молча вытащил кусок ветоши из бортового ящика и туго намотал ее на конец проволоки.

— Алексей Николаевич, вы чего удумали? — Малой побледнел еще сильнее, увидев, как Воронов поливает тряпку из канистры. — Открытый огонь под кабиной?! Это грубейшее нарушение ТБ! Там парафин на блоке, мы взлетим на воздух!

— Мы взлетим на небеса от переохлаждения, если не отогреем ТНВД и не прокачаем систему, — сухо отрезал Громов. — Зажигай, Витя.

Воронов чиркнул зажигалкой. Пламя с гудящим звуком занялось на ветру, бросая резкие тени на перекошенные от стужи лица. Громов перехватил первобытный факел и сунул ревущий огонь в ледяное нутро двигателя. Он водил пламенем вдоль замерзших трубок и насоса. Металл начал издавать глухие, частые щелчки от резкого перепада температур.

Малой отшатнулся, вцепившись руками в голову.

— Вы сумасшедшие! Металл поведет от неравномерного нагрева! Вы сожжете машину!

Очередной порыв штормового ветра с силой ударил под поднятую кабину. Пламя факела резко метнулось в сторо-

ну, срывая с тряпки крупную горящую ошметку. Светящийся комок огня по дуге полетел прямо в приоткрытый пластиковый короб бумажного воздушного фильтра.

Громов не успел дернуть руку.

Глава 3. Мертвая хватка

Бумага фильтра вспыхнула мгновенно, озарив снежную мглу желтым сполохом.

Воронов среагировал с инстинктом дикого зверя. Он отбросил факел, зачерпнул обеими руками здоровенный ком жесткого снега и с силой впечатал его прямо в пылающий пластиковый короб. Раздался громкий шипящий звук. Пламя захлебнулось, выплюнув облако густого серого пара.

Малой, который за секунду до этого стащил толстую перчатку, чтобы протереть запотевшие очки, в панике отшатнулся назад. Нога в модном ботинке скользнула по ледяной корке. Теряя равновесие, стажер рефлекторно выбросил вперед голую правую руку и намертво вцепился в промерзший стальной бампер КамАЗа.

Раздался влажный, чавкающий звук.

Металл при минус пятидесяти работает как магнит для теплой плоти. Кожа ладони мгновенно прикипела к толстому слою инея на стали. Малой дико заорал, попытавшись отдернуть руку, но сталь держала намертво.

— Стой, дурак, с мясом вырвешь! — рывкнул Воронов, бросаясь к нему.

Механик перехватил запястье стажера, рванул за рукав парки в сторону, освобождая натяжение, и резким, коротким движением оторвал ладонь от бампера. Послышался мерзкий сухой треск. На белом инее бампера остался кровавый лоскут содранного эпидермиса.

Малой рухнул на колени прямо в сугроб. Скуля от боли, он свободной рукой загреб горсть колючего снега и начал остервенело тереть побелевшие, скрюченные пальцы.

— Восстановить кровообращение... растирать... — бормотал он сквозь стучащие зубы, цитируя памятку из ОБЖ.

Громов в два шага оказался рядом и с размаху ударил тяжелым ботинком по рукам стажера, выбивая снег.

— Ты совсем debil, студент?! — голос старшего колонны резал большее ветра.

Воронов криво усмехнулся, глядя на корчащегося парня: — Давай-давай, натри открытую рану ледяными кристаллами. Снег на таком морозе — это битое стекло. Сейчас ты себе капилляры в фарш порвешь, а к утру мы тебе пальцы пассатижами откусим, чтобы гангрена дальше не пошла. Будешь потом культей философские трактаты печатать.

Громов схватил Малого за шиворот, вздернул на ноги, растянул ему парку и силой засунул окровавленную кисть стажера ему же под мышку. — Зажми и грей своим теплом. И не ной, — бросил он, отворачиваясь к машине. — Витя, затягивай трубку, я за руль.

Систему прокачали. Громов запрыгнул в ледяную кабину,

которая уже успела промерзнуть до состояния морозильной камеры. Он выжал тугую педаль сцепления и повернул ключ.

Стартер натужно завыл. Медленно, вязко преодолевая сопротивление густого масла. Ву-ву-ву... Двигатель содрогнулся. Раздался громкий металлический лязг, из трубы вылетел ком черной сажи, и мотор неожиданно подхватил! Дизель зарычал, выравнивая обороты.

Воронов на улице победно вскинул кулак.

КамАЗ проработал ровно двенадцать секунд. Затем звук резко изменился — ровный гул сменился на жесткий, давящий металлический кашель. Движок затрясся в агонии, словно подавившись, и с глухим стуком заглох.

Громов снова повернул ключ зажигания. В ответ раздался лишь жалкий, быстрый щелчок втягивающего реле. И тишина.

Аккумуляторы умерли окончательно.

Глава 4. Железный капкан

Тяжелая дверь КамАЗа захлопнулась с глухим стуком склепа.

Громов молча прыгнул в сугроб. Он не оборачивался на свою машину. Отворачиваться от мертвого тягача — старая примета, но сейчас было не до суеверий.

— В «Урал», живо, — рявкнул он, подталкивая скулящего Малого в спину.

Втиснуться втроем в узкую кабину «Урала» в толстых

зимних куртках — задача для акробатов. Воронов запрыгнул за руль, Громов втиснулся рядом, намертво прижав Малого к пассажирской двери. Стажер дрожал так, что клацанье его зубов перекрывало шум работающего отопителя. Окровавленная кисть была плотно зажата под мышкой, а левая рука судорожно прижимала к груди массивный черный кирпич спутникового телефона.

Снаружи буран обрушивался на кабину с яростью кувалды. Стекла по краям уже затягивало непроницаемой коркой белого инея — влага от сбитого дыхания троих человек мгновенно кристаллизовалась на ледяном стекле.

— Ну, давай, связист, звони в рельсу, — криво усмехнулся Воронов, нервно барабанил жесткими пальцами по ободу руля. — Заказывай эвакуатор с теплым пледом и какао.

Малой судорожно тыкал в тугие резиновые кнопки. Экран телефона тускло светился голубым, но индикатор сигнала оставался пустым.

— Нет сети, — голос стажера сорвался на писк. — Циклон слишком плотный. Облачность экранирует сигнал. По физике распространения радиоволн мы находимся в слепой зоне...

— По физике, студент, мы сейчас сидим в консервной банке, — перебил его Громов, глядя на залепленное снегом лобовое стекло. — И если эта метель продержится еще сутки, твой телефон сгодится только на то, чтобы забить им гвоздь в гроб. Убери игрушку. Экономь батарею.

В кабине повисла тяжелая тишина. Лишь мелкая, спасительная вибрация дизеля передавалась через металлический пол на подошвы ботинок. Двигатель монотонно гудел, прогоняя антифриз по венам машины. Это был единственный звук, отделяющий их от замерзания насмерть.

Воронов потянулся к рычагу коробки, собираясь подкинуть оборотов, чтобы печка дула жарче.

В этот момент ровный, утробный рокот дизеля дрогнул.

Стрелка тахометра дернулась вниз. Двигатель натужно всхрипнул, резко подкинул обороты до тысячи, а затем провалился почти до нуля, сотрясая кабину крупной лихорадочной дрожью.

Фирменная ухмылка Воронова мгновенно сползла с лица. Он вцепился в руль, с ужасом глядя на приборную панель.

Дизель поперхнулся во второй раз, выплюнув глухой металлический стук откуда-то из-под капота.

Глава 5 Приплыли

Дизель дернулся в последней судороге, металл под капотом жалобно лязгнул, и двигатель заглох.

Тишина, рухнувшая на кабину, оказалась страшнее воя бурана. Она была тяжелой, плотной, как бетонная плита. Вентилятор печки еще по инерции крутился пару секунд, выгоняя остатки теплого воздуха, а затем остановился.

Воронов с силой ударил кулаком по рулю.

— Приплыли. Снабженцы, гниды канцелярские! — про-

цедил он сквозь зубы. — В левый бак летнюю соляру ливали, бодягу дешевую. Замерзла, тварь. Трубки забиты парафином наглухо.

— Перекидываем магистраль на правый бак, — рубленным тоном скомандовал Громов, распахивая дверь в ледяной ад. — Фильтр тонкой очистки выбрасываем нахрен. Пускаем напрямую. Ключи на семнадцать и девятнадцать в зубы, и за мной.

Малой, всё еще баюкая прокушенную морозом руку, замотал головой так, что запотевшие очки съехали на нос.

— Напрямую?! Вы пустите грязную солярку с кусками льда мимо фильтра?! Плунжерные пары ТНВД сотрут в пыль за час работы! Это гарантированное уничтожение топливной аппаратуры!

Воронов вытащил из-под сиденья связку ключей и злобно оскалился на стажера. — Студент, ты вообще берега путаешь? Через час без печки у тебя кровь в венах кристаллизуется! Да пусть эти плунжера хоть в поддон высыпятся, мне плевать! Мне нужно, чтобы этот кусок железа тарахтел и грел кабину, пока мы не придумаем, как отсюда выбраться. Сиди тут и молись своей физике.

Мужики вывалились в метель. Открытый капот «Урала» тут же залепило снегом. На минус пятидесяти пяти металл становится хрупким, как стекло, а резиновые шланги превращаются в эбонитовые палки. Воронов пытался стянуть задубевший шланг со штуцера, но тот не поддавался. Громов

просто рубанул по нему ножом, срезая кусок, и с силой натянул обрубок на прямой вход насоса, минуя фильтр. Пальцы сводило судорогой, суставы скрипели.

Они запрыгнули обратно в выстуженную кабину. Воронов повернул ключ.

Стартер выдал унылое «Вууу... вууу...» и замолк. Втягивающее реле щелкнуло пару раз, словно издеваясь. Аккумуляторы, промерзшие насквозь и высаженные предыдущими попытками завести машину, сдохли окончательно.

Два мертвых грузовика. Тяжелый груз на трале, который не бросить. Двести километров до ближайшей живой души. И черная метель, стирающая грань между небом и землей.

Воронов откинулся на спинку сиденья и достал из кармана мятую сигарету. Он долго смотрел на нее, потом смял в кулаке и бросил на пол. — Всё, Батёк. Мы приехали.

Громов не ответил. Он сидел неподвижно, уставившись в замерзшее лобовое стекло. Его лицо превратилось в каменную маску. Вдруг он резко подался вперед, едва не выбив лбом стекло.

Ветер выл, словно стая голодных волков. Но сквозь этот первобытный рев Громов уловил другой звук. Ритмичный. Металлический. Лязг гусеничных траков, ломающих ледяной наст.

Он распахнул дверь и шагнул в бурю. Звук нарастал, дрожью отдаваясь в подошвах ботинок.

— Едут... спасатели! — взвизгнул Малой, пытаясь выгля-

нуть из-за спины Громова.

Громов прищурился, вглядываясь в белую пелену. Из мглы вынырнули темные силуэты. Но это были не спасательные ГТТ и не тягачи дорожников. И шли они не по колее, а прямо сквозь тайгу, ломая молодые сосны. Угловатые, хищные контуры, которых здесь, в глухой сибирской тайге, быть не могло по определению.

Громов медленно опустил руку в карман полушубка и нащупал тяжелую рукоять монтировки.

Глава 6. Хозяева тайги

Из белой пелены, ломая молодые сосны с сухим хрустом, вывалилась старая армейская «мотолыга» — МТ-ЛБ. На ее широких гусеницах намерзли глыбы грязного льда. Двигатель вездехода захлебывался тяжелым, надрывным кашлем, выплевывая в метель густые хлопья черной сажи. Топливо у них было на нуле.

Машина дернулась и замерла в десяти метрах от мертвого КамАЗа. Из узких люков на броню посыпались люди. Четверо. Одеты в разномастное тряпье: грязные бушлаты, сапожьи собачьи унты, намотанные до самых глаз шарфы. «Черные» старатели, нелегалы, моющие золото по глухим таежным ручьям. Самая отморозенная публика за Уралом.

Громов перехватил ледяную монтировку поудобнее. Воронов молча встал рядом, сунув руку в карман своего потрепанного ватника, где лежал тяжелый гаечный ключ на трид-

цать два.

Старатели прыгнули в снег. Тот, что казался за старшего — здоровый мужик в безразмерном тулупе — двинулся к ним. В руках он держал помповое ружье.

— Здорово, работяги, — прохрипел он из-под заледеневшего шарфа. — Нам соляра нужна. И кабина ваша теплая. Мы в своей коробке уже сутки дубеем. Ключи от Урала на капот, живенько.

— В очередь встань, — спокойно ответил Громов. Голос звучал глухо из-за воя ветра. — Мы сами пустые. Урал сдох, тягач тоже.

— Не лечи мне! — рявкнул главарь. Он вскинул ружье и попытался передернуть цевье, чтобы дослать патрон.

Раздался глухой, пластиковый стук. Цевье не сдвинулось ни на миллиметр. Старатель дернул сильнее, ударил по нему ладонью — затвор намертво прикипел к ствольной коробке.

Малой, который всё это время жался к борту машины в своей синей парке, вдруг нервно поправил запотевшие очки и выдал: — Кинематическая вязкость стандартного оружейного масла при температуре ниже минус сорока градусов превышает допустимые нормы. Ваш ударно-спусковой механизм спаялся. По регламенту эксплуатации стрелкового оружия в арктических условиях...

— Захлопнись, студент! — гаркнул Воронов, криво усмехаясь. — Эй, Рэмбо, ты бы еще солидоллом ствол зашприцевал! В керосине мыть надо было насухо!

Шутка стала триггером. Главарь отшвырнул бесполезное ружье в сугроб и выхватил из-за голенища кусок ржавой арматуры. Трое его поделщиков бросились вперед, размахивая монтировками и обрезками труб.

Драка на таком морозе — это не кино. Тяжелая одежда сковывает движения, дыхание перехватывает после первого же замаха, а суставы скрипят, как несмазанные петли.

Громов принял первого ударом монтировки по ключице. Раздался хруст, бандит взвыл и отлетел в снег. Воронов уклонился от взмаха трубы, шагнул вплотную ко второму нападавшему и с размаху впечатал гаечный ключ ему в челюсть.

Но их было больше. Главарь зашел сбоку. Громов краем глаза заметил движение, попытался развернуться на вязком снегу, но тяжелый полушубок потянул назад. Кусок арматуры со свистом рассек воздух и с влажным хрустом врезался Громову в правое бедро.

Боль вспыхнула так ярко, что в глазах потемнело. Нога мгновенно онемела, словно ее отрубили. Громов рухнул на колени.

Воронов бросился к нему, но двое оставшихся на ногах старателей сбили механика с ног, навалившись сверху. Малого, который попытался неуклюже вступить, просто отшвырнули ударом ноги в грудь, отбросив в сугроб.

— Кончай базар! — прохрипел главарь, тяжело дыша. Он пнул лежащего Громова в здоровое колено. — В Урал, живо!

Бандиты метнулись к кабине Воронова. Защелкали зам-

ки, хлопнули тяжелые двери. Изнутри раздался щелчок блокиратора. Они заперлись в теплой, еще не успевшей окончательно выстынуть кабине, оставив хозяев снаружи.

Буран ударил с новой силой, швыряя в лица пригоршни ледяных игл.

Громов, стиснув зубы до скрежета, оперся на монтировку и с трудом поднялся на одну ногу. Кровь из пробитого бедра уже пропитала штанину и начала кристаллизоваться, стягивая ткань жесткой коркой.

Они стояли втроем на пронизывающем ветру, при минус пятидесяти пяти градусах. Перед ними возвышалась слепая, насквозь промерзшая глыба мертвого КамАЗа. Урал был захвачен.

Воронов стер с разбитой губы ледяную кровь и посмотрел на Громова. — Ну что, Батёк. Час до обморожения внутренних органов. Какие будут указания?

Глава 7. Теория горения

Кабина КамАЗа встретила их абсолютным, могильным холодом. За те часы, что мотор молчал, металл выстудился настолько, что касание к приборной панели обжигало сквозь перчатки. Стекла изнутри покрылись толстым панцирем серого инея, превратив машину в слепой железный склеп.

Громов тяжело рухнул на водительское сиденье. Лицо посерело, челюсти сжаты до мышечного спазма. Ткань на правом бедре стояла колом — кровь из рассеченной раны про-

мерзла, намертво спаяв штанину с кожей.

Воронов захлопнул дверь, отрезая завывания бурана, и кабина погрузилась в глухую, звенящую тишину. Дыхание троих людей мгновенно оседало белой взвесью.

— Минус сорок минимум, — выдавил Малой. Его зубы отбивали дикую чечетку. Стажер лихорадочно стянул с полки свернутый спальный мешок. — Надо разводить огонь. Полиуретановый наполнитель... горит с выделением колоссального тепла. Я приоткрою форточку на два сантиметра, перепад давления обеспечит стабильную тягу, дым уйдет наружу.

Он потянулся к замку окна, щелкая зажигалкой в трясущейся руке.

Воронов перехватил его запястье стальной хваткой, едва не сломав пальцы.

— Студент, ты решил нас по-быстрому на тот свет отправить? — прошипел механик, кривя губы в злой ухмылке. — От этой синтетики дым такой, что через минуту у тебя глаза из орбит вытекут, а гортань покроется химическими ожогами. Мы здесь захлебнемся собственной кровью раньше, чем согреемся. Положи спальник на место.

Громов, не говоря ни слова, наклонился, преодолевая дикую боль в ноге, и вытащил из-под сиденья пустое оцинкованное ведро. Следом на пол полетела промасленная холщовая ветошь и пластиковая полуторалитровая бутылка, до краев наполненная густой желтоватой жидкостью.

— Трансформаторное масло, — констатировал Воронов, одобрительно кивнув. — Диэлектрик. Горит ровно, как свеча в церкви. Батёк, ты знал, что пригодится.

Механик бросил ветошь в ведро, щедро плеснул туда вязкое, густое на морозе масло и поднес огонь.

Сначала пламя занялось неохотно. Желтый язычок жадно лизал замерзшую ткань, силясь растопить холодную жижу. Но через пару минут масло нагрелось, вспыхнуло, и по кабине заметались резкие, дерганные тени. Огонь загудел.

В тесном пространстве резко потеплело. На стеклах начал таять иней, стекая вниз грязными ручьями. Но вместе с теплом пришла дикая боль — обмороженные пальцы и щеки начало колоть тысячами раскаленных игл. Малой тихо скулил, прижимая окровавленную кисть к груди. Едкий дымок скапливался под потолком, заставляя слезиться глаза, но Воронов чуть приоткрыл люк, и серую пелену начало вытягивать наружу.

Громов сидел с закрытыми глазами. Тепло от ведра, стоявшего у него в ногах, било прямо в раненое бедро. Сгустки замерзшей крови начали оттаивать, и нога снова закровила, пульсируя тупой, сверлящей болью.

— Хорошо пошло, — прохрипел Воронов, грея почерневшие руки над пламенем. — Сейчас кости оттают, пойдем у этих упырей наши аккумуляторы обратно забирать. Без света не уйдем.

Дно оцинкованного ведра раскалилось. Сначала оно по-

темнело, затем начало приобретать тусклый вишневый оттенок. Огонь гудел, пожирая масло и ткань.

И вдруг снизу раздался резкий, пугающий металлический треск.

Пол кабины КамАЗа — это тонкий слой стали. Под ним проходят пластиковые воздушные магистрали тормозов и жгуты электропроводки. Раскаленное ведро передавало колоссальную температуру прямо на ледяной металл пола.

Раздался громкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел. Металл под ведром выгнулся горбом от чудовищного перепада температур. Ведро накренилось. Горящее трансформаторное масло плеснуло на край, грозя вылиться прямо им под ноги.

Глава 8. Черная акустика

Воронов среагировал мгновенно. Он рванул с сиденья монтажку Громова и, игнорируя ожоги, с силой вогнал ее между днищем ведра и кожухом КПП, стабилизируя посудину за секунду до того, как пылающее трансформаторное масло пролилось бы на пластиковые шланги. Металл пола жалобно взвизгнул, но огонь остался внутри.

Кабина выстыла так быстро, что пар от дыхания снова начал кристаллизоваться на стеклах, несмотря на ведро с огнем. Боль от оттаивающих рук и ног сменилась тупой, свинцовой тяжестью. Время работало против них. Двести километров до рудника "Северный" — это приговор.

Громов, преодолевая пульсирующую боль в бедре, заставил себя сесть прямо. Его обветренное лицо под спущенными ушами ушанки казалось высеченным из камня. Тяжелый взгляд Батяка остановился на Малом.

— Малой, связист... — голос Громова прозвучал глухо, надтреснуто. — Твой «спутник» сдох окончательно?

Стажер, прижимая окровавленную кисть к груди, судорожно кивнул. — Да. Плотный циклон... экранировка. Физика распространения радиоволн в таких условиях...

— Физику засунь туда же, куда и регламент, — перебил Громов, морщась от боли. — Значит так. Помощи не будет. Либо мы заводим КамАЗ, либо замерзаем. Аккумуляторы упыри сняли, занесли в Урал. Витя, сколько у нас времени, пока Урал выстынет настолько, что они оттуда выползут?

Воронов криво усмехнулся, грея руки над огнем. — Кабина Урала — термос хороший, но не вечный. При минус пятидесяти пяти... Час, может полтора. Они там сейчас жрут наши пайки и греются. Уснул, когда тепло пойдет.

Громов кивнул. План вырисовался жесткий, самоубийственный. — Будем забирать. Витя, ты — механик. Ты знаешь, как снять АКБ на морозе быстро и бесшумно. Я — прикрываю. Малой...

Он посмотрел на стажера. Малой был балластом. Громов это знал, Воронов это знал. Но балласт в тайге — это лишний рот и лишняя цель.

— А Малой... — Громов сделал паузу, от которой у ста-

жера по спине прошел ледяной разряд. — Малой будет делать то, чему его в институте не учили. Черную акустику. Кабина Урала — это не просто коробка. Каждое движение в тайге, каждый скрип снега, каждый удар металла — это маркер. Ты будешь слушать.

Малой непонимающе моргнул. — Слушать? Что слушать? Гул ветра?

— Ты будешь слушать тайгу. Учись карту звуков рисовать. Скрип ледяного наста под ногами — один звук. Напряжение металла под капотом — другой. Стук гаечного ключа, если Витя его уронит — третий. Ты научишься определять, где мы находимся в этом белом аду, лучше, чем любой навигатор.

Воронов презрительно фыркнул. — Акустику... Слышишь, Батёк, студент сейчас будет вычислять резонанс снежного кома. Ты бы лучше ему монтировку дал, пусть хоть дверь Урала подержит.

Громов проигнорировал сарказм механика. — Воронов, вяжи мою ногу крепче. Нужно, чтобы я мог стоять.

Механик, ворча, достал из ватника кусок троса и туго перетянул Громову бедро поверх обмороженной корки крови. Громов даже не поморщился.

— Всё. Масло догорит через полчаса. Тогда выходим. Никаких фонарей. Никаких разговоров. Только шаг, вдох и акустика.

Они сидели в тишине, нарушаемой лишь гулом огня в вед-

ре и завываниями бурана снаружи. Иней на стеклах КамАЗа казался живым, медленно ползущим от краев к центру. Каждое мгновение стоило жизни.

Наконец, Громов подал знак. Огонь в ведре тускнел.

Он первым распахнул дверь. Минус пятьдесят пять ударили в лицо физическим, сокрушительным ударом. Воздух был настолько холодным, что легкие отказались его принимать. Ветер резал кожу, как бритва.

Они шагнули в белую мглу, туда, где замерзшей глыбой возвышался Урал, ставший их последней надеждой и их главной ловушкой.

Глава 9

Снег под ногами скрипел так, будто они шли по битому стеклу. В глухой таежной ночи при минус пятидесяти пяти этот звук разносился на сотни метров, перекрывая даже гул ветра.

— Ждите, — вдруг сипло прошептал Малой, хватая Воронова за рукав ватника. Стажер поднял руку, прислушиваясь к завываниям бурана. Очки заиндевели в ноль, он смотрел вверх них. — Цикличность порывов — примерно двенадцать секунд. Ветер создает белый шум частотой около тысячи герц. Шагаем только на пике порыва, тогда резонанс шагов полностью погасится акустическим фоном.

Воронов стряхнул его руку, злобно блеснув глазами. — Я тебе сейчас гаечный ключ в ухо вкручу, физик-теоретик.

Шаолиньский монах, блин. Если я здесь еще двенадцать секунд простою, у меня ботинки к насту примерзнут. Идем!

Они короткими перебежками подобралась к замерзшему Уралу. Внутри кабины тускло горел плафон. На стеклах, оттаявших от дыхания ублюдков, блестели капли конденсата. Хозяева тайги грелись, сжигая остатки топлива.

Аккумуляторный ящик у Урала висит на раме, прямо под кабиной. Воронов упал на колени в глубокий снег, срывая обледенелые защелки. Крышка поддалась с сухим металлическим хрустом. Внутри стояли два черных 190-амперных моноблока — спасительные свинцовые гири по полтиннику килограммов каждая.

— Батёк, секи кабину, — бросил механик Громову.

Громов, перенеся вес на здоровую ногу, встал у колеса, намертво сжав ледяную монтировку.

Воронов потянулся к клеммам и грязно выругался. Свинцовые контакты покрылись толстой шубой окислов и льда. В толстых зимних рукавицах открутить прикипевшую гайку на тринадцать было физически невозможно.

Механик стиснул зубы, сдернул правую рукавицу и сунул ее под мышку.

Голая рука на таком морозе живет минуты три, потом начинается необратимый некроз. Воронов ухватил ледяной рожковый ключ. Кожа тут же прилипла к стали. Он сорвал гайку первой клеммы рывком, вместе с верхним слоем собственного эпидермиса. Боли не было — мороз мгновенно

выключил нервные окончания. Пальцы превратились в деревянные, непослушные палки.

— Первую снял... — прошипел Воронов. Дыхание со свистом вырывалось изо рта. — Малой, хватай за ручки, тяни на себя!

Стажер вцепился в ледяной пластик аккумулятора. Сорок пять килограммов мертвого веса в неудобной позе — это не формулы на доске писать. Малой крякнул, жилы на шее вздулись, но он вытащил черную коробку на снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.